

Особенности функционирования политических режимов в арабском мире

А. И. Пирогов¹, Д. А. Бирюков²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

² Московский государственный областной университет (МГОУ)

События последних десятилетий, затронувшие большую часть стран арабского Востока («арабская весна» 2011 г. и саммит Лиги арабских государств в марте 2015 г.), осмысливаются как проявление современных процессов трансформации политического ландшафта региона. Анализируются причины неготовности политических режимов арабских государств к подлинной либерализации. Приводится критика понятия «кризис демократии в арабском мире». Предложена уточненная классификация авторитарных режимов в рассматриваемых странах.

Ключевые слова: арабский мир; политизация ислама; исламизация политики; армия как политическая сила; авторитарные режимы; либеральные реформы; кризис демократии.

В конце XX — начале XXI вв. арабские государства претерпели значительные социальные трансформации, их политический ландшафт еще более изменился. Это связано с исключительной ролью в культуре арабских народов религии (ислама¹), которая, в свою очередь, была исторически и остается сегодня гораздо теснее, чем на Западе, сопряжена с политикой (во многих арабских странах ислам является государственной религией). Данное обстоятельство роднит арабские государства между собой и обуславливает большое значение религиозного фактора в их политической жизни. Именно под этим углом зрения и следует рассматривать любые политические явления в арабском мире, в том числе функционирование политических режимов. При анализе последних нельзя также игнорировать то, что для мусульманских стран арабского Востока до сих пор характерны рудименты полуфеодальных и клановых отношений. Наконец, необходимо понимать роль и место армий в политической жизни этих стран: политизированность

военных столь велика, что делает их относительно самостоятельной политической силой и заставляет политическое руководство не только считаться с армейскими кругами, но и вовлекать их в решение внутривнутриполитических проблем. Тем самым авторитарные и тоталитарные политические режимы обеспечивают себе действенную поддержку.

Объективно диалектика политической жизни такова, что внутри- и внешнеполитические проблемы тесно связаны между собой. Сегодня это особенно заметно в арабском мире. Наглядным примером служит последний саммит Лиги арабских государств (ЛАГ), состоявшийся в марте 2015 г. в Шарм-эль-Шейхе. Он проходил в условиях крайней социально-политической нестабильности и напряженности, вызванной военными действиями в Ливии и военной операцией в Йемене, ставшими наряду с палестинским вопросом и проблемой беженцев главной темой в повестке дня. Большая часть членов ЛАГ подтвердила приверженность к миру, однако высказалась

© Пирогов А. И., Бирюков Д. А. ¹ Ислам в арабском мире исповедует абсолютное большинство населения — более 90 % (подробнее см.: [1, с. 118]).

за создание единой арабской армии в целях обеспечения безопасности в регионе. В принятых итоговых документах вероятный противник не назван², но можно с уверенностью предположить, что им будут религиозные радикально настроенные социальные слои, и в первую очередь крайне радикальная суннитская группировка «Исламское государство» (ИГИЛ). Собственно, это уже квазигосударство, в распоряжении которого находятся занятые радикалами значительные территории Сирии и Ирака, где государственный механизм на практике превращается из института гражданского общества в религиозный, с обширной общиной верующих.

Напомним, что, по мнению аналитиков XX в., в частности Б. Г. Сейраняна, активизации сторонников исламских радикалов в определенной степени способствовало стремление Запада навязать арабскому миру свою либеральную демократию. В таких странах арабского Востока, как Египет, Тунис, Ливан, Сирия и Ирак, это привело к сосредоточению официальной политической власти в руках политических марионеток, назначаемых странами-метрополиями, а также к укреплению авторитарных политических режимов (подробнее см.: [3]), благополучно сохранивших свои позиции к началу нового тысячелетия. Как отмечают специалисты, практика функционирования политических режимов, несмотря на их вариативность, носит авторитарный характер, что

² В резолюции саммита и заявлениях политиков, сделанных после его проведения, только обрисованы контуры будущего военного образования. Известно, что численность армии составит 40 тыс. человек, а ее штаб будет располагаться или в Каире, или в Эр-Рияде, что логично: Египет — самая многонаселенная страна арабского мира, Саудовская Аравия — самая богатая. К последней, идейному вдохновителю коалиции, примкнули наиболее влиятельные страны из числа входящих в ЛАГ: Бахрейн, Кувейт, ОАЭ, Египет, Иордания, Марокко и Судан (см.: [2]).

не удивительно: традиционная власть в арабском мире всегда была склонна к авторитаризму.

Сегодня такие арабские государства, как Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Катар³, представляют собой теократические монархии: первое лицо в них является одновременно главой государства, правительства и судебной власти и главнокомандующим вооруженными силами. Консультативный совет (там, где он есть) играет второстепенную роль, поскольку его решения носят рекомендательный характер. В этих арабских странах весьма сильны традиционные устои и господство религии (ислама), что активно используется для сохранения политической и экономической стабильности в обществе, а значительные финансовые средства, получаемые от продажи главного богатства — нефти, дают возможность проводить необходимые социально-экономические реформы. В целом эта группа богатых стран составляет авангард арабского мира и устремлена к достижению новых рубежей во всех сферах жизни общества.

Среди арабских монархий есть и дуалистические (Бахрейн, Иордания, Кувейт и Марокко). Специфика формы монархического правления в них заключается в присутствии пережитков феодальных отношений, притом что национальная буржуазия еще не набрала

³ Оман и Саудовская Аравия являются абсолютными монархиями, в остальных арабских монархиях власть главы государства ограничена конституцией. Нередко в научных исследованиях при характеристике политических режимов допускается их отождествление с монархической формой правления (монархические режимы), что неправомерно: здесь имеет место смешение элементов формы государства, включающей в себя форму правления (монархия или республика), государственного устройства (унитарное государство, федерация или конфедерация) и политический режим (демократический или недемократический).

необходимой силы. В условиях дуалистической монархии сосуществуют два социально-политических института: монархическая власть, опирающаяся на феодальные слои, и буржуазный парламент. Монарх сосредоточивает в своих руках все полномочия исполнительной власти, оставаясь в этом плане и де-юре, и де-факто независимым от парламента, не имеющего возможности влиять на формирование правительственных органов и фактически бессильного перед союзом монарха и феодалов. Дуалистическая монархия по сути есть некая переходная форма правления, однако нельзя с достаточной степенью достоверности сказать, в какую иную форму она перерастет. В каждой стране все зависит от того, сможет ли буржуазия достигнуть статуса экономически господствующего класса, чтобы обеспечить себе доминирование и в политической сфере.

Тем не менее в политических системах арабских государств происходят заметные, хотя и весьма специфические изменения, отражающие тенденцию перехода от абсолютизма монархической власти к ее конституционному ограничению путем разделения законодательной и исполнительной властей. Так, национальные собрания (парламенты) в Бахрейне, Иордании и Кувейте делят с монархом законодательную власть, но вместе с тем остаются подчиненным органом, т. е. наблюдаемое стремление к демократизации весьма слабое, а в целом политические режимы в данной группе арабских государств по-прежнему авторитарные, поэтому политические изменения в этих странах носят половинчатый характер. Это позволяет говорить об одновременном развитии противоположных тенденций — формировании основ капиталистической системы хозяйствования и укреплении позиций монархического строя.

Известный американский исследователь М. Хадсон анализировал монархические режимы в арабских странах в книге «Арабская политика. В поисках легитимности» [4], вышедшей в конце 1970-х гг., однако суждения, высказанные в ней, сохраняют актуальность и в XXI в.: «Модернизирующиеся монархии характеризуются тем, что в них традиционная автократия сочетается с расплывчатым национализмом и этосом развития... В отдельных случаях делались попытки совмещать монархический строй с какими-то формами парламентаризма. Главная слабость легитимности монархических режимов — авторитаризм, противодействие идеям демократии и равенства» (приводится по: [5, с. 33]).

Функционирование республиканской формы правления в арабском мире также имеет специфические черты. Она создавалась с тяготением к светской или конфессиональной основе, в зависимости от природы пришедших к власти политических сил. Эта форма правления в арабских странах, за малым исключением, выступает как президентская и предоставляет гражданам различную степень свобод, а также фактическое право участия в выборах в высшие политические организации. Новые республиканские режимы в арабских странах стали возникать в результате ликвидации колониального гнета и свержения монархий.

К началу XXI в. в рамках республиканской формы правления более чем в десяти арабских государствах оформились авторитарные политические режимы различной направленности. Во многих из них действующие правители пришли к власти путем военного переворота под руководством сил, с одной стороны, выступавших против колониализма и монархии, с другой — ориентированных на националистическую

идеологию (панарабизма, модернизированного ислама и т. д.). Там, где у власти оказывались представители армейских кругов, создавались так называемые Советы революционного командования как формы коллективного правления. Нередко военная бюрократия получала право контролировать деятельность администрации и органов административно-хозяйственного управления. В Тунисе, Алжире, Ираке и Сирии власть перешла в руки политических партий, и все преобразования в политической системе общества (в первую очередь во всех структурах государственного аппарата) происходили только под их руководством.

Все перемены безусловно способствовали становлению новой подсистемы управления внутри политических систем, но в большинстве арабских стран, как в монархиях, так и в республиках, сохранился авторитарный политический режим. В частности, президентские и парламентские выборы (последние — чаще всего на основе однопартийной системы), создание местных органов власти (народные советы, собрания или комитеты) служат в условиях президентских республик арабских стран лишь ширмой, а номинально выборные политические единицы — орудием для выполнения президентских указов и распоряжений. В результате, несмотря на то, что конституции арабских государств признают за народом право выбора желаемого, а государственное лицо и его власть независимы от исполнительной власти, руководство стран имеет право распоряжаться всей общественно-политической и экономической жизнью. Сильная президентская власть (как правило, лидера партии) в условиях авторитарного режима тяготеет к неограниченности, что тормозит демократические преобразования. Именно поэтому демократия в арабских

странах есть по существу лишь конституционно отраженный факт, не реализуемый в действительности.

Можно констатировать, что авторитарные политические режимы в арабских странах носят характер диктатур. Другие отличительные черты арабской действительности — преследование инакомыслия, введение запретов на оппозицию и даже репрессии в отношении оппозиционно настроенных кругов, что естественно сопрягается с нарушениями прав и свобод человека, лишаящими смысла демократические преобразования.

В научной литературе (см., напр., [6; 7]) можно встретить утверждения о кризисе демократии в арабском мире. Мы полагаем их не совсем корректными: не может быть кризиса того, чего на самом деле нет. Отсутствие демократических устоев можно объяснить направленностью политики властей на устранение возможностей для иных (оппозиционных) политических сил проявлять активность и влиять на политическое сознание масс. Опираясь на принципы шариата, власти открыто объявляют взгляды сторонников демократических нововведений не только ошибочными, но и вредными заблуждениями. Это особенно касается самой сути демократии как народовластия: в действительности ее подменяет принцип элитарности власти, весьма далекой от нужд и чаяний большинства населения. К тому же сказываются и так называемые двойные стандарты: политические деятели, выступавшие от имени демократически настроенных сил, придя к власти и узурпировав ее, начинают вести совершенно иную политику, идущую вразрез с демократическими принципами и нередко направленную против тех же демократических сил, нейтрализуя которые (путем как вводимых против них ограничений, так и прямого подавления, вплоть

до физического устранения) они вызывают развитие кризиса доверия населения ко всем, кто под различными демократическими лозунгами стремится к власти.

Такая политика, способствуя усилению авторитарных режимов, одновременно приводит к ряду негативных последствий:

а) насилие и политические репрессии по отношению к оппозиционным силам вселяют страх в сознание основной массы населения и резко снижают политическую активность тех, кто на собственном опыте убеждается в попрании прав и свобод личности;

б) цензура ограничивает доступ населения к объективной информации о политических процессах в стране и за ее пределами (действует принцип «все, что не разрешено законом, запрещено»);

в) игнорирование официальными властями насущных проблем населения способствует их отдалению от народа и в отдельных случаях побуждает некоторую его часть примыкать к террористическим группам и организациям, щедро обещающим социально-политические изменения в стране;

г) присутствие различного рода общественных структур (профессиональных, студенческих и др.) не решает проблемы их реального участия в политической жизни, поскольку все они в действительности лишены необходимых полномочий (к тому же в большинстве своем не являются представителями народа) и только обозначают наличие якобы демократических институтов, по сути служа своего рода «демократической ширмой» для официальных властей.

Как мы можем видеть, переход арабских обществ к подлинно демократическим преобразованиям не просто затруднен, но является вопросом весьма отдаленной перспективы вследствие

сильнейшего влияния внеклассовых социальных групп и слоев (каст, кланов, общин, конфессиональных структур и др.), придерживающихся строгих исламских идеологических установок. Иными словами, становление демократических режимов в арабском мире требует длительного переходного периода, предполагающего активную политическую деятельность заинтересованных сторонников демократии.

Препятствий на этом пути много: доминирование традиций ислама, клановые противоречия, нищета, безграмотность и бедность населения, нецивилизованные способы политической борьбы, деятельность террористических организаций и т. д. По справедливому замечанию С. Хантингтона, для демократических преобразований и установления демократических политических режимов в этом регионе еще не созрели объективные условия: «...культурный ареал, где плохо приживается демократия, — это исламский регион. Мусульманская культурная традиция освящает различного рода авторитарные режимы правления... В конце 80-х годов под влиянием экономических трудностей и воздействием демонстрационного эффекта демократизации в других регионах некоторые арабские правительства попытались укрепить свою легитимность путем выборов. Однако в главном выигрыше от этой либерализации оказались исламские фундаменталисты, чья приверженность демократии представляется весьма сомнительной» (цит. по: [8, с. 14]).

Неэффективность первой волны демократических реформ можно объяснить рядом обстоятельств.

Во-первых, это *политизация ислама и исламизация политики*. С одной стороны, стремление арабских народов сохранить свою самобытность, традиции и культуру вполне понятно. Им, по нашему мнению, во многом обусловлено противостояние европеизации как

мощному, вплоть до насильственного, воздействию, угрожающему насаждением западных ценностей и культуры во всех сферах жизни арабского общества. С другой стороны, недовольство мусульманского населения и противопоставление идеалов арабского мира западным активно используют исламские фундаменталисты, моделью государства для которых служит арабский халифат, простирающий свою власть на личную и общественную жизнь. Выше Аллаха в таком государстве нет и не может быть никого; его заветы, отраженные в Коране и сунне, воплощены в шариате — незыблемой основе соблюдения божественных предписаний, поэтому никакие иные законы, принятые людьми, не идут в сравнение с установлениями шариата. Следовательно, демократия есть нечто низшее по отношению к исламскому правлению, которое может базироваться только на богоданном законе ислама (подробнее см.: [9, с. 16]).

Во-вторых, в общественно-политической жизни арабских государств видную роль играет *армия*, теснейшим образом *связанная с функционированием политических режимов*. Этот социальный институт в арабском мире воспринимается как один из главных борцов за национальную независимость от колониального гнета, а также гарант сохранения (удержания) господствующим классом своей власти и одновременно инструмент всех социально-политических трансформаций. Нельзя не учитывать, что силовые структуры способны как содействовать прогрессивным преобразованиям в обществе, так и тормозить их. Очевидно, что при всей вариативности политического поведения вооруженные силы не могут подменить собой политическую систему общества, сколь бы ни была велика их роль внутри нее: военные с их жесткой организацией и централизацией властных полномочий

всегда будут прибегать к помощи народных представителей, не забывая, однако, и о собственном представительстве в органах государственной власти. Консерватизм и строгая властная иерархия и субординация военных объективно способствуют авторитаризму во власти, вплоть до установления военной диктатуры в отдельных случаях, поскольку авторитаризм сродни системе военной организации. К тому же армия незаменима при необходимости проявления силовых методов во внутривластных отношениях. В результате ее вмешательства устанавливается стиль правления, к которому общество уже привыкло за время нахождения военных у власти (см.: [10]). Взаимосвязь военной бюрократии и функционирующего авторитарного режима в арабских странах всячески препятствует явлениям демократизации. Видимо, демократические преобразования могут произойти лишь при условии ограничения влияния военных кругов на политику в арабских государствах. Одна из первых (если не главных) предпосылок к этому — изменение характера связи армии и общества в решении общенациональных задач. Однако добиться его в условиях малой грамотности населения и соответственно низкой активности политического участия крайне затруднительно. Исторические примеры попыток осуществления этого свидетельствуют, что независимо от типа преобразований (связанных с западным «эталонным либерализмом», как в Тунисе, Ливане или Египте, или с так называемой народной демократией, провозглашенной в Алжире, Ираке, Ливии или Сирии) все они, как правило, оканчивались либо полным, либо частичным провалом.

Анализ политико-демографической составляющей арабских обществ выявил во всех этих странах идентичную дифференциацию населения, как правило, на четыре основные группы.

К *первой* из них относятся те, кто проявляет относительную политическую активность: в большинстве своем они не только следят за происходящими политическими событиями, но и считают необходимым участвовать в них, что в конечном итоге оказывает некоторое влияние на совокупный политический процесс. В основном это люди энергичные, образованные и входящие в состав тех или иных взаимодействующих политических организаций (партий, движений или групп).

Вторая группа включает в себя тех, кто интересуется политическими событиями, но наблюдает за ходом и результатами их развития со стороны.

Третью составляют люди, поглощенные решением собственных проблем повседневной жизни и никак не интересующиеся политическими событиями и политическим процессом в целом.

Четвертая группа объединяет тех, кто ищет удовлетворения своих политических интересов в деятельности экстремистских (в том числе террористических) организаций и всячески ей способствует, преступая закон, распространяя ложные слухи, участвуя в подрывных действиях, политических убийствах и иных антиправительственных политических акциях различного рода.

Вовлечению людей в ряды экстремистов способствуют определенные закономерности. Одна из них — непосредственная связь повышенной эмоциональности молодежи и ее нетерпимого отношения к сковыванию личной свободы с трудностями при поиске работы и достойного места в обществе. Современные средства массовой коммуникации, в первую очередь Интернет, позволяют оперативно получать информацию со всего мира, вследствие чего молодежные круги, узнавая о все большем количестве возможностей, не реализуемых в актуальном состоянии общества, могут быстро перейти от обычного недовольства в состоянии протестной

и следующей за ней экстремистской активности. Другая закономерность — возрастание напряженности в обществе при усилении социально-экономической дифференциации населения и снижении уровня жизни. Политическое сознание большей части неграмотного населения из бедных слоев детерминировано их положением: доведенные нищетой до отчаяния, они готовы на все, чтобы покончить с ней.

У занимающих пассивную политическую позицию инертность является не только (а возможно, и не столько) следствием ухудшения материального положения, но и результатом внутренней политики авторитарных режимов, подавляющих свободу слова, печати и информации и препятствующих формированию политических организаций и оппозиции (или вовсе не допускающих этого). Совокупное экономическое и административное воздействие на граждан объективно ведет к тому, что их политическое участие становится эпизодическим, формальным и часто ограничено простым электоральным поведением. В данном отношении почти все политические системы в арабских государствах несовершенны. Авторитаризм устраняет из политического сознания второй группы населения стремление к демократическим преобразованиям, делая электоральный процесс не просто формальным, но граничащим с политическим фарсом: обман и подлог со стороны официальных властей на выборах в государственные и местные органы власти и в ходе референдумов по важнейшим вопросам политической жизни объективно способствуют политическому отторжению людей, росту недоверия и враждебного отношения к руководству страны. Если демократия априори означает власть народа и предполагает хотя бы его участие в решении государственных и общественных дел, то население арабских стран в большинстве своем

лишено такой возможности, не играет какой-либо роли в политическом процессе, а следовательно, об арабской демократии можно говорить лишь условно. Подтверждение этого — давление на электорат, единственный кандидат на выборах и, как правило, одна правящая партия, исключительно слабая оппозиция, не имеющая достаточных финансовых и материальных средств для проведения эффективной предвыборной кампании и, соответственно, практически никаких шансов на успех.

Все это говорит об отсутствии в странах арабского Востока подлинного участия населения в политической жизни страны и влияния на принимаемые правящими кругами политические решения. Характер политического участия размывается, в действительности представляя собой лишь подготовку к нему как функционирующему в урезанном виде политическому принципу, отражающему суть демократии, но не способствующему ее утверждению. В силу указанных причин вся электоральная кампания сводится к поддержке действующего политического режима и негативного отношения к западной демократии как стремящейся построить всю политическую жизнь в арабском мире по своим стандартам.

Специфически ведут себя представители интеллигенции, которая по определению должна возглавлять политические движения за демократические переустройства и реальное введение демократических порядков. В арабских мусульманских странах она не выполняет этой функции. Как свидетельствуют научные исследования, арабская интеллигенция — это «вещь в себе», озабоченная собственными нуждами и далекая от всей совокупности общественно-политических проблем. Разумеется, некоторая ее часть видит несовершенство политических систем арабских стран и проявляет действительную склонность

к идеям демократии, но не берет на себя просвещение остальной части населения, ссылаясь на невозможность политической деятельности на принципах равенства и справедливости, а на самом деле боясь ответной реакции властей. Наиболее важный результат такого самоустранения из общественной жизни — использование правящими кругами тезиса о единении с интеллигенцией как наиболее передовой частью населения для подавления и ликвидации политических свобод. Следствие всех указанных причин — дальнейшее усиление позиций авторитарных режимов в арабском мире.

Таким образом, идеи демократии пока не могут укорениться в арабском мире, несмотря на то, что в авторитарных политических режимах стран региона присутствуют отдельные ее элементы, позволяющие официальным властям именовать себя «просвещенными», «умеренными», «мягкими», а в отдельных случаях даже «демократическими». Разумеется, это не меняет их сущности, способствует лишь возникновению новых политических клише. Однако было бы неверно однозначно определять авторитарные режимы в арабских странах только как деспотические и попирающие права и свободы населения. Для их характеристики можно взять за основу положения, высказанные отечественным исследователем профессором Ю. Г. Сумбатьяном еще в середине 1990-х гг. Он выделил кроме традиционных форм еще три типа авторитарных политических режимов: реакционные, консервативные и либеральные (подробнее см.: [11; 12]). С учетом прошедшего времени предлагаем внести уточнения в классификацию авторитарных политических режимов арабского Востока в начале нового столетия и условно выделить три большие группы. Первая — авторитарные режимы, близкие к военной диктатуре или тоталитаризму

(объединяющая черта — приход к управлению страной представителей военных кругов, обладающих фактически неограниченной политической властью, явно не расположенных к идеям демократии и потому резко замедляющих любые демократические преобразования). Вторая — монархические и республиканские *консервативные монопартийные* и отдельные авторитарные режимы, сохраняющие приверженность традиционным историческим ценностям арабского Востока в государственном строительстве стран (вся полнота государственной власти принадлежит главе государства — монарху или президенту, контролирующему и законодательную, и исполнительную, и судебную ветви власти). Наконец, третья — *либеральные многопартийные* авторитарные режимы, в которых проявляются некоторые тенденции к нововведениям демократического характера (своеобразный синтез авторитаризма и демократии при доминировании первого).

Литература

1. **Почта Ю. М.** Возникновение ислама и мусульманского общества: филос.-методол. анализ. М.: РУДН, 1993. 146 с.
2. **Николаев К.** Ближневосточное НАТО. Арабские государства создают общие вооруженные силы // Новые Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newizv.ru/world/2015-03-30/217306-blizhnevostochnoe-nato.html> (дата обращения: 24.09.2015).

3. Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу (мат-лы VI конф. африканистов, состоявшейся в Москве 16—18 нояб. 1994 г.). М.: Ин-т Африки РАН, 1995. 209 с.

4. **Hudson M. C.** Arab Politics: The Search for Legitimacy. New Haven: Yale University Press, 1977. 434 p.

5. Авторитаризм и модернизация в странах Азии и Африки: реф. сб. / Сост. С. И. Кузнецова, О. Е. Бубнова. М.: ИНИОН РАН, 1994. 123 с.

6. **Гайдукевич Л. М.** «Арабская весна» 2011 г.: демократические преобразования или геополитический передел региона? // Журнал международного права и международных отношений. 2012. № 1. С. 29—34.

7. **Наумкин В.** Снизу вверх и обратно: «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике. 2011. № 4. С. 20—33.

8. Демократия и авторитаризм в третьем мире в конце XX в. (концепция С. П. Хантингтона и отклики на нее): Науч.-аналит. обзор / [Ю. И. Комар]. М.: ИНИОН РАН, 1995. 23 с. (Социальное развитие и культура стран Азии и Африки).

9. **Мунир С. Ф.** Общие черты и характерные особенности политических режимов в Ираке, Сирии и Ливане: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1997. 19 с.

10. **Aquil Shah.** The Army and Democracy. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 416 p.

11. **Сумбатян Ю. Г.** Политические режимы: происхождение, сущность и основные формы // Обществознание в школе. 1998. № 2. С. 17—21.

12. **Сумбатян Ю. Г.** Политология. Авторитаризм как категория политической науки // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 6. С. 57—75.

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии (ФиС), декан факультета (института) экономики, управления и права (ИнЭУП) МИЭТ. E-mail: egdek@miec.ru

Бирюков Денис Андреевич — аспирант МГОУ. E-mail: den.a.biryukov@gmail.com